

Исполняется 50 лет со дня рождения Сергея Валентиновича ЧУХИНА - значительного русского лирика, нашего земляка. К великому сожалению, десять лет назад трагически оборвалась его жизнь, но стихи поэта живут: трагические годы русской смуты не заслонили живительного света поэзии Сергея Чухина. Нынешняя публикация стихов составлена из малоизвестных в основном стихотворений поэта.

ДУШОЮ ЧИСТ

С Сергеем Валентиновичем Чухиным я впервые увиделся в общежитии пединститута: проводилась встреча с вологодскими писателями. И запомнились - в душе отложились чухинские стихи: очень лиричные, удивительно мягкие и родные, а вместе с тем - ироничные, с неподдельным юмором. Позже, когда мне довелось работать в колонии с осужденными, помнится, я всегда с нетерпением ждал очередного номера «Вологодского комсомольца», где нередко печатались новые стихи поэта. Они вроде бы специально и не заучивались - слова приходили сами как лучшее воспоминание.

Со временем познакомились мы с Сергеем Валентиновичем Чухиным и лично: на одном из областных семинаров молодых литераторов Вологодчины. Сошлись как-то легко и просто, точно давно знакомы были. Книжечку поэта, припасенную мною специально для такого случая, он подписал, пожелав мне «увидеть свою книгу в десять раз толще». Как я горевал потом, когда она, так хранимая мною, сгорела вместе с квартирой, где я жил, но это другая песня.

Из гиблых зоновских мест сумели вологодские писатели перевести меня в Вологду. Здесь-то и поближе бы познакомиться с Сергеем Валентиновичем, да отворила беда ворота: жизнь поэта трагически оборвалась. Ему исполнилось только-только сорок - жить бы да жить. Не забыть тот осенний день 85-го, когда мы с друзьями провожали своего товарища в последний путь, - в сердце камнем канул.

Действительно, только со временем понимается по-настоящему вся тяжесть утраты. Чаше и чаще вспоминаются стихи поэта, его оценки и точные замечания - многие почти афористичны.

В жизни Сергей Валентинович был очень скромным, даже застенчивым человеком, немногословным. Сила его - в искреннем, бескорыстном служении русскому Слову, ему он отдал свой талант сполна. До сих пор я недоумеваю: как это нынешние композиторы проходят мимо его изумительных стихов? Они сами ложатся на музыку. Как и рубцовские. Кстати, они были очень дружны. И не случайно Н. Рубцов был общественным редактором первой книжки стихов С. Чухина «Горница». А гостя на родине у своего младшего друга, Николай Михайлович написал там стихи, ставшие ныне уже хрестоматийными.

Часто сталкиваясь по работе со стихотворными опытами молодых авторов, явственно замечаешь у них влияние не только рубцовское - общеизвестно! - но и чухинское. А это уже о многом говорит, стоит только задуматься. Но, как говаривал сам Чухин, «это ведь не всякому дано».

В большой телепередаче, посвященной писателю В. П. Астафьеву, Виктор Петрович говорил, что в трудную минуту у него всегда рядом листок со стихами одного забытого провинциального поэта. И крупным планом были показаны перелисанные рукой Астафьева родные, давно полюбившиеся строки стихов прекрасного русского поэта Сергея Валентиновича Чухина:

Работай, друг мой.
Душою чист,
Одея проходи
Науку.
По правую руку -
Бумаги лист,
И сердце -
По левую руку.

**Александр ЦЫГАНОВ,
член Союза писателей
России.**

Сергей ЧУХИН

* * *

Тропа
раздвинула
деревья.
Невольно
ускоряю
шаг.
И вот она, моя
деревня! -
Часовня,
домики,
овраг.
На крыши
темные,
косые
Гляжу,
волнуясь, не
дыша...
Деревня - не лицо
России, -
Душа.

ВЕЧЕР

Стадо возвращается
домой,
И коров хозяйшки
встречают,
Пастуха с поклоном
величают,
На чаек зовут
наперебой.
Светлые подойники
бренчат,
Кое-кто уже выносит
пойло...
А когда совсем темно
и поздно,
Ищут бабки на дворе
внучат.
Затихают голоса
ворот:
Кончено с дневною
канителью,
легкой тенью
Беленькое платье
скользнет.

* * *

У замерзающей реки,
Где так пожить
мечталось,
Гуляли важно старики,
Покашлявая малость.

У замерзающей реки,
За сотни верст от
дому.
Никто не подал мне
руки.

Как подают родному.
Стояли сосны вдоль
реки.
Корней торчали жилы.
Ходили молча старики
И молча сторожили
Свой тихий край, свои
деньки.
Свою в полях солому.
Никто не подал мне
руки.
Как подают родному.
... И вспомнишь
родину свою:
В стогах темнеет
сенце...
Зато мое в родном
краю
Оттаивает сердце!
Все как и здесь, но
все не так,
И разлица огромна,
Хоть и там слышны
ветряк,
Да речка, да солома...

* * *

Не ангел я и не
злодей,
Не в проклятых и не в
любимых.
Поэты не судят людей,
Поэты среди

подсудимых.
И пальцем не
пошевельну,
Под ретушь правды
не скрою.
Но только не ставьте в
вину,
Что было моею бедою.
Средь правил и
жестких систем,
Средь пишущих строго
на тему
Я был неудобен уж
тем,
Что не подходил под
систему.
Спеша за изменчивым
днем,
Влезая в житейские
дебри,
Так жил я, что в чубе
моем
Ломались железные
гребни.
Но я не ругаю судьбу,
В жилетку не капаю
лишка:
Клеймо даже лучше на
лбу
Носить, чем какую-то
шишку.
Нечесая пускай и
небриг,
Неведом пускай и
незнаем...
Ведь сердце пока не
болит,
Его мы и не ощущаем.

* * *

Седина, естественно,
на голову,
Ну, а бес, конечно же,
в ребро...
Вот и ходишь, как
шаловой, по городу
И добро меняешь на
добро.
Голос свой мешаешь с
подголосками,
Куришь дни и ночи
напролет.
Все подушки что-то
стали жесткими,
Все паркетные стали
словно лед.
Все плывет в дыму и
все качается,
Чья-то тень маячит у
окна...
То ли жизнь постылая
комкает...
То ли начинается она?
Словно дервиш,
одержимый
Меккою,
По ночному городу
бредешь.
Самое печальное, что
некому
И спросить: куда же
ты идешь?